

DOI 10.32726/2411-3417-2024-2-39-53

УДК 327; 94

МАРИНА ТКАЧЕНКО

Китай — Запад: уроки прошлого, старые нарративы и новая реальность

Аннотация. В трансформирующемся мировом порядке роль КНР является одной из самых значимых. Амбиции и возможности, родившиеся из экономической мощи этой страны, заставляют Запад прибегать к различным методам сдерживания Китая и его дискредитации в глазах мирового сообщества. Социологические опросы демонстрируют неоднозначную динамику образа Китая в современном мире, где общественное мнение во многом формируют западные СМИ и аналитические школы. Столкновение с западной цивилизацией в прошлом привело Китай к поражению, которого он пытается избежать в новых реалиях, применяя различные способы гибкого реагирования для противодействия вызовам США и их союзников.

Ключевые слова: Китай, Запад, образы Китая и США в мире, международные рейтинги, общественное мнение, трансформирующийся мировой порядок.

Китай, насчитывающий более чем четырехтысячелетнюю историю существования, вплоть до середины XIX в. считался одной из самых мощных экономик мира. Свидетельством тому являются оценки национального богатства Китая на разных этапах его развития по сравнению с другими империями и государствами. Лишенный пороков феодализма, Китай в основе своей всегда оставался единым государством и развивал единый рынок на основе рационального разделения труда, а также соблюдения прав и свобод своих граждан. Жители Китая обладали свободой перемещения, торговцы осваивали рынки фьючерсов и основы торговли на бирже, развивался институт частной собственности и земельный рынок. Все это было немыслимо для Римской империи и, впоследствии, феодальной Европы.

Бюрократическая система управления, сложившаяся в Китае в X в., стала наиболее успешным примером продвижения во власть представителей различных слоев общества на меритократической основе, что на протяжении столетий почти никогда не было в приоритете в Европе.

Кроме того, Китай в разы превосходил самые передовые европейские государства по уровню технологического развития и урбанизации. По замечанию Ли Ифу, «три изо-

Сведения об авторе: ТКАЧЕНКО Марина Федоровна — зав. кафедрой мировой экономики Дипломатической академии МИД РФ, доктор экономических наук, профессор, marstav251280@gmail.com.

бретения Поднебесной позволили Европе шагнуть из мрачного Средневековья в Новое время»: это порох, компас и книгопечатание [Ифу. С. 32]. Кроме того, по оценкам того же Ли Ифу, китайцы еще в XI в. производили в пять-шесть раз больше стали и железа, чем в Европе, что позволяло им делать железные инструменты для ведения сельского хозяйства и боевых действий [Там же]. В это время в Европе еще пахали деревянными плугами и воевали менее практичным бронзовым оружием. В Китае развивалась технологически продвинутая система гидротехнических сооружений и государственных зернохранилищ, что в совокупности с использованием железных плугов позволяло высокими темпами развивать сельское хозяйство. Китай обладал превосходящими Европу технологиями в строительстве морских судов, что давало возможность вести бойкую торговлю с другими государствами вплоть до начала правления династии Мин, когда китайская экономика закрылась для зарубежных контрагентов, переключившись на внутреннюю торговлю по Великому каналу.

Многочисленные художественные произведения китайских авторов и воспоминания современников, в том числе прибывавших из Европы (например, Марко Поло), свидетельствуют о многочисленности городского населения и развитой инфраструктуре городов в Китае по сравнению с европейскими аналогами уже в XIV в. «Согласно статистике, до начала XVIII века в Китае было восемь городов, население которых превышало один миллион человек» [Ифу. С. 37]. Здесь гораздо раньше сложились предпосылки промышленной революции, чем в Европе, но Китай «так и не перешагнул этот порог» [Там же], уступив впоследствии лидерство странам европейского континента.

Более того, с середины XIX в. наметились негативные тенденции в развитии китайской экономики, которые длились вплоть до начала 50-х годов XX в. Реализация подобного сценария стала возможной не только вследствие внутренних причин — она также была обусловлена зарубежным вмешательством в дела Китая.

Взаимоотношения Китая и стран Запада

По замечанию Энгаса Мэддисона, «нарушения суверенитета азиатских стран были не слишком распространены» [Мэддисон. С. 183] со стороны европейских держав, а выстраиваемые взаимоотношения изначально носили коммерческий, а не захватнический характер. Это было обусловлено технологическим превосходством многих азиатских держав, включая Китай, которые могли дать отпор завоевателям, да и расстояние до них было более существенным, чем до американского континента. Китай не подвергался нападениям европейских держав вплоть до XIX в., участвуя в неудобном для европейцев товарообмене китайских товаров на золото и серебро. Китайская экономика оставалась самодостаточной, и, по выражению императора Хунли (династия Цин), «цинцы не испытывали ни в чем недостатка» [Чжан. С. 234]. Китайские же товары можно было покупать только в одном порту — Гуанчжоу, где европейские торговцы подвергались всяческой дискриминации.

Великобритания начинает «раскачивать китайскую лодку» в двадцатые годы XIX в., ощущая острую необходимость в дополнительном притоке серебра для развития Бенгалии, откуда начинает поставлять в Китай опиум. И уже в 1833 г. экспорт из Британии и ее колоний в Китай превысил экспорт из Китая в Британию, лишив Китай значительной части серебра. Последовавшие за этими событиями две опиумные войны обеспечили участвовавшим в них иностранным державам возможность торговли в большинстве крупных портов Китая, свободу передвижения по империи, миссионерскую деятельность, а также использование китайских рабочих в качестве рабочей силы в британских и французских колониях. Китайские рабочие — «кули» стали вывозиться на Кубу, в Перу и другие страны. Китай также понес катастрофические территориальные потери. Фактически превратившись в вассала западных держав, страна погрузилась в «век унижений», как определяется в китайской историографии период. Она оказалась включена в британскую модель глобального управления почти до середины XX в.

Китай находился в заложниках у ведущих западных держав, которые навязали ему неравноправные договоры об открытых портах и использовании низких тарифных барьеров. При этом значительная часть доходов от ввоза товаров направлялась не в китайскую казну, а на уплату контрибуций. Вопиющей несправедливостью стал навязанный американцами принцип экстерриториальности в заключенном с Китаем договоре 1844 г. (британцы получили право экстерриториальности по Нанкинскому договору 1842 г.). Этим опытом впоследствии воспользовались и другие державы. «Иностранцы получили права экстерриториальности и консульские юрисдикции в 92 портах, открытых для торговли в 1842–1917 гг.» [Мэддисон. С. 264]. Следствием заключения неравноправных договоров стало также распространение в Китае иностранных концессий, деятельность которых фактически регулировалась юрисдикцией иностранных государств, под контролем которых они находились.

Китаю удалось добиться полного восстановления таможенной автономии только в 1933 г., а отмены системы открытых портов — в 1943 г.

С приходом к власти Мао Цзэдуна частная собственность землевладельцев и иностранного капитала была ликвидирована посредством экспроприации государством. Постепенно начался осторожный выход Китая из международной изоляции, с учетом негативного опыта иностранного вмешательства. Однако до признания КНР странами Запада как равноправного субъекта международных отношений было еще далеко. США в 1952 г. ввели полное эмбарго на торговлю с Китаем продлившееся до 1971 г.), а также запрет на поездки в КНР и финансовые трансакции с ним.

Только после 1971 г., с признанием КНР Соединенными Штатами и ее вступлением в ООН, начинается постепенная интеграция страны в мировую экономику. В 80-е годы XX в. Китай сумел усилить свои позиции на фоне предстоящего демонтажа советской системы, начав поставлять на мировой (прежде всего американский) рынок дешевые товары. С переходом к «политике реформ и открытости», ассоциируемой с именем Дэн

Сяопина, инициируется включение Китая в американско-японскую модель глобализации, которое приводит к новой форме зависимости страны от Запада, теперь уже инвестиционно-технологической, последствия которой проявятся не сразу. Имитационные решения окажется не так просто заменить на инновационные, что станет особенно очевидным вследствие развязанной торговой войны США с Китаем в ситуации, когда Си Цзиньпин решил действовать «без оглядки на США» [Национальные... С. 7].

Таким образом, налицо цикличность в отношениях между Китаем и Западом, провоцируемая зачастую не идеологическими (несмотря на глубокие культурные различия), а чисто прагматическими причинами. При этом Западу, несмотря на все старания, так и не удалось в полной мере превратить экономическую систему Китая в разновидность классического капитализма. Американский сенатор Марко Рубио недавно высказал мысль, что «капитализм не изменил Китай — это Китай изменил капитализм».

Китай на протяжении всей своей истории, независимо от близости отношений с Западом, пытался в той или иной степени сохранять автономность и уникальность своего пути социально-экономического развития, что делало его неудобным партнером для США и их западных союзников и побуждало Запад искать способы дискредитации и дискриминации Китая на мировой арене. Для этого, в целях оправдания противодействия Китаю (будь то санкции или военное вмешательство) в контексте обострения западно-китайских экономических противоречий используется такой инструмент, как синофобия, или мотив «желтой угрозы».

Синофобия как механизм дискредитации Китая

Синофобские настроения в мире существуют достаточно продолжительное время, хотя по длительности и интенсивности они в настоящее время безусловно уступают русофобии, которая стала экзистенциальной потребностью глобалистских элит и западного сообщества.

Традиции синофобии в странах Запада, географически дистанцированных от Китая, и в соседних с ним странах, которые в разные периоды времени находились в орбите китайского влияния, существенно различаются.

Российский историк и политолог К.С. Гаджиев отмечает, что «феномен так называемой “желтой опасности” ... появившись в США в 70-х годах XIX века, ... постепенно получил распространение в европейских странах» [Гаджиев. С. 2097]. Примечательно, что эти процессы совпали по времени с массовой иммиграцией китайцев в США. С критикой китайского проникновения в западную экономику выступали представители разных течений западной мысли — Ф. Ратцель, А. Бебель, К. Маркс и др. Интересно, что, например, Г. Лейбниц рассматривал Россию как мост между двумя крупными цивилизациями — европейской и китайской [Меттан. С. 259], а кайзер Германии Вильгельм II полагал, что Россия «должна ... защитить Европу от наступления желтой расы» [Гаджиев. С. 2098]. Боксерское восстание в Китае на рубеже XIX–XX вв. усилило антикитай-

ские настроения в США и Европе и привело к принятию ряда законодательных актов, ограничивших въезд китайской рабочей силы в США.

Начало следующему витку синофобии положил приход к власти Мао Цзэдуна, чье сближение с СССР рассматривалось как экзистенциальная угроза для США. Впоследствии антикитайская пропаганда стала практическим инструментом идеологической борьбы США с КНР на фоне растущей экономической мощи последней.

Расцвет синофобии на Западе, прежде всего в США, совпал с приходом к власти Си Цзиньпина, который «выбрал путь диверсификации партнерств и налаживания прямых связей с соседними странами без оглядки на США» [Национальные... С. 7]. Появление в политическом дискурсе Китая неологизмов («создание сообщества единой судьбы человечества», «социализм с китайской спецификой», «дипломатия мировой державы с китайской спецификой» и другие) усилило беспокойство США по поводу того, что стремление Пекина к «китаизации» своей внутренней и внешней политики и дистанцирование от сложившейся системы глобального управления, вкупе с проведением Россией независимой внешней политики, создают очевидный противовес западному миру.

По мере обострения торгово-экономической войны между Китаем и США американская синофобия закономерно ужесточается. В Стратегии национальной безопасности 2015 г. США еще приветствовали «появление стабильного, мирного и процветающего Китая» и готовы были к сотрудничеству «без конфронтации» несмотря на конкуренцию (National Security Strategy 2015. P.24). В аналогичном американском документе 2017 г. Китай и Россия не только впервые были названы «ревизионистскими» государствами, но и опередили Иран и Северную Корею в списке угроз для безопасности США. Китай был представлен как страна, чьи амбиции «создают риск ослабления суверенитета многих государств Индо-Тихоокеанского региона», которые «призывают к долговременному лидерству США в рамках коллективного ответа для поддержания регионального порядка на основе уважения суверенитета и независимости» [National Security Strategy... 2017. P. 46]. Таким образом, США фактически заранее оправдывают свои потенциальные насильственные действия в отношении Китая, списывая их на призывы стран Индо-Тихоокеанского региона к защите от «посягательств» Китая.

В 2022 г. американская политика противоборства с Китаем достигла апофеоза. В новой Стратегии национальной безопасности США (от 12 октября 2022 г.) Китай (равно как и Россия) был выделен в качестве особой, уже не «региональной», а «глобальной угрозы», поскольку, как признавалось, китайское влияние растет не только в Индо-Тихоокеанском регионе, но и в глобальном масштабе. Несмотря на то, что США заявляют об уважении к «достижениям, истории и культуре» китайского народа [National Security Strategy... 2022. P. 25], они пытаются отделить китайцев от Коммунистической партии Китая, представляя свою борьбу с КНР как борьбу с властными элитами, но не с китайскими гражданами. Главным содержанием взаимоотношений с Пекином для Вашингтона становится не взаимовыгодное сотрудничество, а соперничество и стрем-

ление лишить Китай его конкурентных преимуществ, чтобы снизить его влияние в глобальной экономике. Впервые напрямую признается готовность США защищать свои интересы в Индо-Тихоокеанском регионе от «посягательств Китая» военными методами.

На этом фоне неудивительно изменение общественного мнения в странах Запада относительно Китая и китайского лидера Си Цзиньпина.

Образ Китая в мире через призму обзоров Pew Research Center

Наиболее показательными являются результаты социологических опросов, представленные авторитетным исследовательским центром Pew Research Center. Этот центр проводит регулярные замеры общественных настроений в отношении внешней политики и образа Китая во внешнем мире начиная с 2002 г. Первоначально такие опросы были проведены только в двух странах, Японии и Южной Корее, где вследствие исторических предпосылок традиционно сильны антикитайские настроения, но во времени список расширился до 24 государств, расположенных в семи регионах¹.

Следует отметить, что в так называемых развитых странах год от года усиливается общая негативная оценка действий Китая. В 2023 г. почти все охваченные опросом страны этой категории («страны с высоким подушевым доходом», в терминологии экспертов Pew Research Center) продемонстрировали наивысшие показатели негативного отношения к Китаю за всю историю проводимого в них обследования Pew Research Center. В числе «лидеров» — Австралия (87%), Швеция (85%), США (83%), Канада (79%), Нидерланды (77%), Германия (76%), Франция (72%). В Польше и Испании показатель составил соответственно 67 и 66. Крайне высокая степень преобладания негативных оценок политики Китая остается характерной для Японии, Великобритании и Южной Кореи, хотя пик антикитайских настроений пришелся там на другие годы. Так, в Японии, которая демонстрирует наиболее ярко выраженную синофобскую позицию, в 2023 г. 87% населения негативно воспринимали Китай, а на пике в 2013 г. — 93%. Среди развитых стран более благожелательно к Китаю относятся жители Израиля и Венгрии (по 50% отрицательных оценок в 2023 г.), Греции (51%), а также Италии (58%) [Silver, Huang, Clancy. *China's Approach...*]. Усиление неприятия Китая совпало по времени с поддержкой Китаем России в условиях западных санкций и разрастания антироссийской кампании на Западе.

В этой связи обращает на себя внимание впечатляющее ухудшение образа Китая в Индии и Бразилии — партнерах КНР по БРИКС+. В 2023 г. по сравнению с 2019 г. доля негативных оценок Китая в этих странах увеличилась сразу на 21%, составив 67 и 48% соответственно. При этом в ряде других государств глобального Юга негативное

1 Польша, Канада, Франция, Израиль, Испания, Швеция, Нидерланды, Германия, Австралия, США, Греция, Япония, Великобритания, Венгрия, Южная Корея, Италия, Индия, Бразилия, Мексика, Аргентина, ЮАР, Кения, Нигерия, Индонезия.

восприятие Китая, и без того миноритарное, напротив, сократилось: в Индонезии на 11% (за тот же срок), в Нигерии на 2%, в Кении на 2%, составив 25, 15 и 23% соответственно.

В целом развивающиеся страны демонстрируют намного более позитивное и лояльное отношение к Китаю, чем развитые страны. Помимо вышеназванных, сюда можно отнести Мексику (доля негативных оценок Китая — 33%), Аргентину (34%) и ЮАР (40%). Разрыв между развивающимися и большинством развитых стран в степени неприятия Китая и его внешней политики составляет 2–3 раза [Silver, Huang, Clancy. *China's Approach...*].

Если рассматривать отношение к внешней политике Китая в динамике, то практически во всех западных странах (за исключением Италии) наблюдалось усиление негативного настроения к Китаю в 2023 г. по сравнению с базисным годом, когда они начали участвовать в опросе (в некоторых странах, например, Великобритании, Испании, Канаде, — в 3–5 раз). Граждане США и Австралии стали участвовать в опросе только в 2020 г., в условиях ковидных ограничений, и сразу продемонстрировали резкое преобладание негативного отношения к Китаю и его внешней политике (87 и 79% соответственно). Причем если в 2021 г., при снятии ковидных ограничений, этот показатель немного снизился (до 85 и 76% соответственно) [Silver, Huang, Clancy. *China's Approach...*], то потом он вновь вырос на фоне нагнетания Соединенными Штатами геополитической напряженности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Наименее неблагоприятное отношение к Китаю развитые страны выказывали в периоды с 2002 по 2007 г. и с 2015 по 2019 г. [Silver, Huang, Clancy. *China's Approach...*]. Рис. 1 иллюстрирует значительный разрыв в оценках Китая общественным мнением отдельных стран в разные годы. Особенно это характерно для жителей Великобритании, Южной Кореи, Японии, Германии, Швеции, Франции, Канады, Испании и Польши, которые уже длительное время участвуют в подобных опросах и, соответственно, испытали на себе изменения в геополитической конъюнктуре коллективного Запада.

В развивающихся странах картина заметно отличается (рис. 2). Здесь не только негативный образ Китая характерен для меньшинства населения, но и разрыв в значениях между максимальной и минимальной долей негативных оценок (за годы проведения опроса) не столь очевиден (исключение — Индия), что свидетельствует о более близких, стабильных и партнерских отношениях Китая с этими странами [Silver, Huang, Clancy. *China's Approach...*].

Социологическое исследование, проведенное экспертами Pew Research Center в 2023 г., включало сопоставление суждений о США и Китае. При рассмотрении его результатов, разумеется, необходимо учитывать состав данной выборки 24 стран, среди которых 11 являются членами НАТО, а большинство остальных также либо связаны с Соединенными Штатами теснейшими военно-политическими узами (Япония, Южная Корея, Израиль), либо входят в Британское содружество (Австралия, Индия, Нигерия,

Кения, ЮАР) и остаются в орбите сильного культурно-идеологического англо-американского влияния. Кроме того, в опросе участвовали американцы, тогда как китайцы — нет. Но так или иначе, последний социологический обзор Pew Research Center выявил ряд красноречивых, в том числе отчасти неожиданных, моментов.

- В вопросе о том, насколько США и Китай в своих внешнеполитических решениях учитывают интересы стран респондентов, Вашингтон в целом имеет заметный перевес над Пекином. Однако в трех странах, включая одну страну НАТО, а именно в Венгрии, ЮАР и Нигерии, зафиксирован некоторый перевес в пользу Китая.

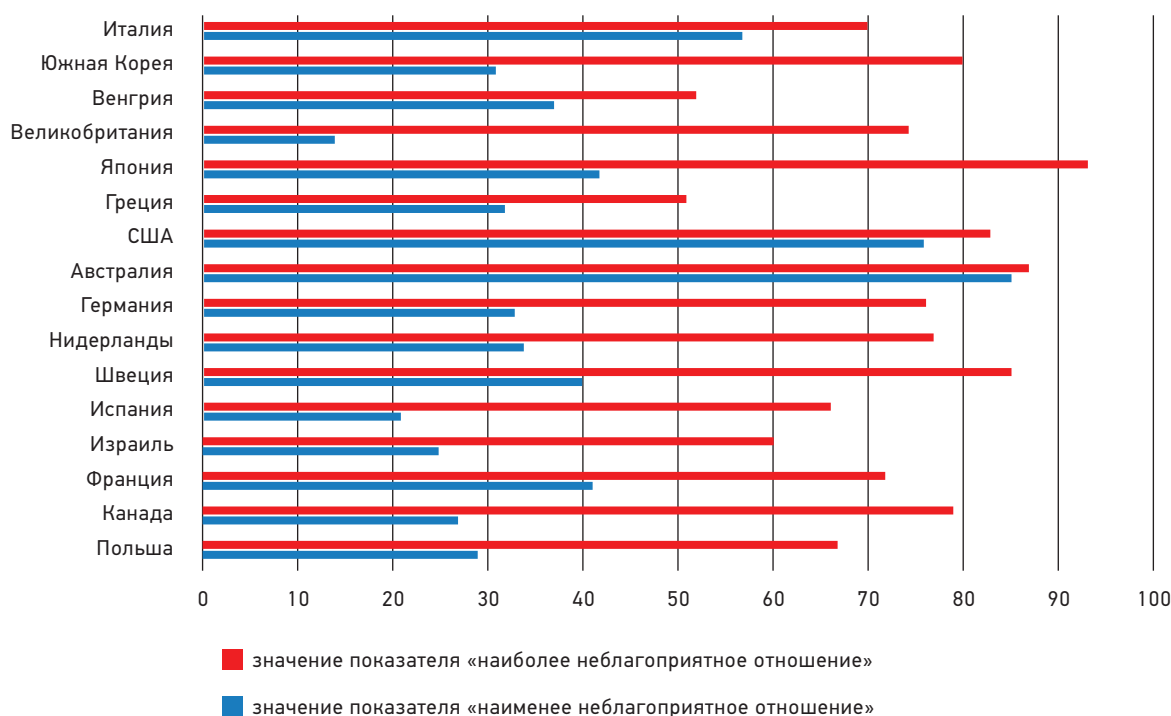

Рис. 1. Сравнение показателей «наиболее неблагоприятного отношения» и «наименее неблагоприятного отношения» к Китаю в развитых странах, где проводились опросы, %.

Источник: [Silver, Huang, Clancy. China’s Approach...]

- США, несмотря на очевидные проявления своего милитаризма, получили значительно более высокие оценки по параметру «вклад в глобальный мир и стабильность» (разница в их пользу во многих случаях составила 30 пунктов и больше, а в Японии — 65 пунктов). Тем не менее в двух странах, Индонезии и Венгрии, население оценивает вклад США и Китая в дело международного мира и стабильности примерно одинаково [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].
- По мнению большинства респондентов из всех 24 стран, обе державы «склонны вмешиваться во внутренние дела других государств», но в гораздо большей степени интервенционизм ассоциируется не с китайской, а с американской политикой. Например, в Греции 93% опрошенных полагают, что «США вмешиваются в дела

других государств», и лишь 53% разделяют аналогичное утверждение о Китае [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].

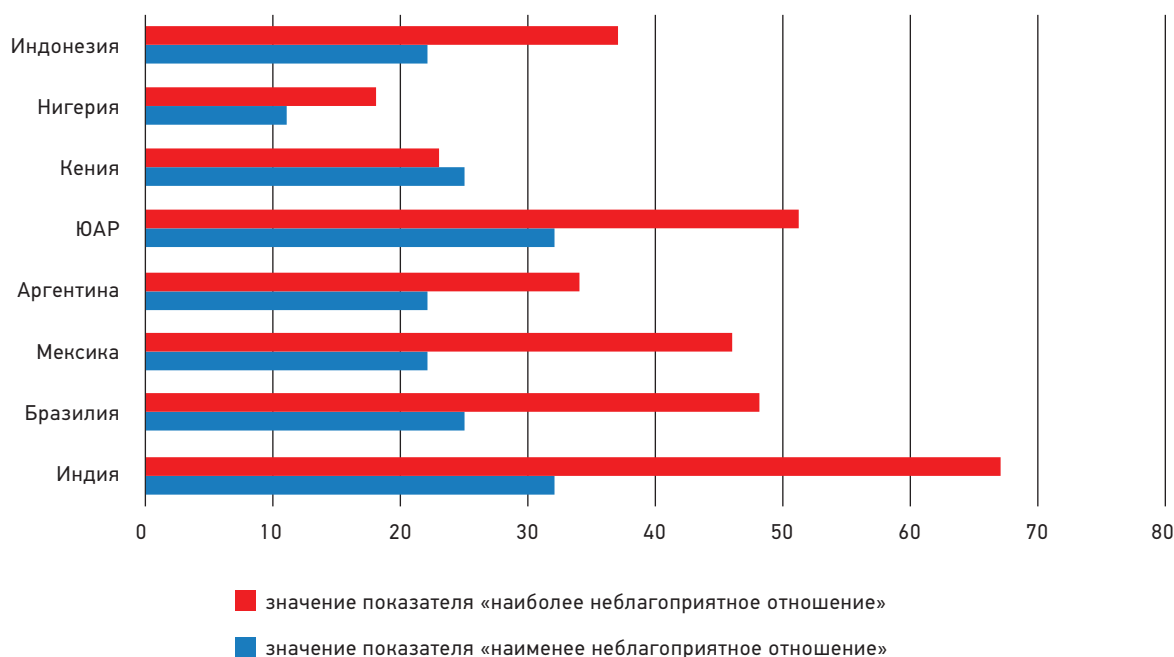

Рис. 2. Сравнение показателей «наиболее неблагоприятного отношения» и «наименее неблагоприятного отношения» к Китаю в развивающихся странах, %

Источник: [Silver, Huang, Clancy. China's Approach...]

- США имеют образ намного более демократичного государства, нежели Китай. Это соответствует оценкам западных организаций, составляющих рейтинги свобод и демократии, которые определяют Китай как авторитарный режим и в последнее десятилетие все больше снижают его «индексы» в обеспечении прав и свобод граждан.
- Общественное мнение стран, наиболее восприимчивых к западным нарративам либеральной демократии и прав человека, где большинство негативно смотрит на Китай, однозначно признают приоритет США в международных отношениях и видят их гарантом обеспечения основных прав и свобод в мире.
- Как следствие, по оценке авторов обзора Pew Research Center, «мировая общественность» (напомним, в реальности речь идет о специфической выборке из 23 стран (без США), преимущественно входящих в западную орбиту) «почти в три раза больше склонна доверять президенту США Дж. Байдену, чем председателю КНР Си Цзиньпину». Впрочем, это утверждение они подтвердили лишь спорной ссылкой на «медианные результаты» по всем 23 странам вместе взятым и сопроводили несколькими оговорками, в том числе об отсутствии четких мнений о китайском лидере во многих странах. Кроме того, в обзоре признается, что в развивающихся

государствах (именуемых «странами со средним уровнем доходов»), рейтинги Си Цзиньпина существенно выше, чем на Западе, и уровень доверия к нему с точки зрения его роли в мировых делах не уступает доверию к президенту США [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].

- В целом жители как развитых, так и развивающихся стран, охваченных опросом, отдают явное предпочтение США в части образования, индустрии развлечений, стандартов жизни.
- Но относительно технологического развития США и Китая уже наблюдается паритет мнений. В целом в охваченных опросом 24 странах в среднем 72% респондентов описывают американские технологии как лучшие или выше среднего уровня, 69% — говорят то же самое о китайских технологиях. Оценки технологического развития двух сверхдержав мало чем отличаются в семи странах, в том числе Испании, Франции, Италии, Нигерии, Венгрии, Кении, Австралии [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].
- При сравнении военно-промышленных комплексов КНР и США респонденты в большинстве стран отдают первенство американскому ВПК. На этом фоне, тем не менее, выделяются Германия, Нидерланды и Великобритания, жители которых оценивают американские и китайские военно-промышленные мощности схожим образом.

Сравнивая общий характер образов США и Китая в общественном мнении, эксперты Pew Research Center выделили три группы стран.

В первой группе (Соединенные Штаты, Канада, Германия, Польша, Швеция, Нидерланды, Япония, Южная Корея, Индия) доминируют позитивный образ США и негативный — Китая. Лучше всего к США и одновременно хуже всего к КНР относятся в Польше, Японии и Южной Корее. Так, среди поляков симпатизируют США в общей сложности 84% респондентов, а Китаю — лишь 21%. В Японии аналогичные показатели составляют 73 и 11%, в Южной Корее — 78 и 22%. В Канаде, Германии, Швеции и Нидерландах положительно смотрят на США порядка 54-55% респондентов, на КНР — от 12 до 20% и примерно треть не симпатизируют ни США, ни Китаю [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].

В странах Юга (Нигерия, Кения, Мексика, Индонезия и ЮАР), которые составляют вторую группу, от одной до двух третей населения положительно относятся одновременно и к США, и к Китаю. Лидерами симпатий к обеим державам являются Нигерия (64% респондентов) и Кения (55%), причем в Нигерии Китай, которому в общей сложности симпатизируют 78% населения, опережает США по популярности [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].

В третьей группе (Австралия, Израиль, Великобритания, Франция, Испания, Италия, Бразилия, Греция, Венгрия, Аргентина) картина более диверсифицированная. Здесь нередко сопоставимы доли тех, чьи симпатии однозначно находятся на стороне США, и тех, кто положительно оценивает и США, и Китай (как в Израиле, Бразилии, Греции

и Венгрии). В Венгрии и вовсе симпатии к Китаю и к США находятся на одном уровне — в общей сложности 40 и 41% населения соответственно. И даже там, где США явно опережают Китай, значительная часть респондентов (в Великобритании, Франции и Испании примерно треть, а в Австралии более 40%) заявляют об отсутствии симпатии как к США, так и к Китаю [Silver, Huang, Clancy. Comparing...].

В целом, судя по данным Pew Research Center, отношение в мире к КНР остается неоднозначным. Если непризнание достижений китайских культуры и образования в качестве образцов для подражания можно списать на существенную разницу в культурных кодах стран Запада и Китая, то закрепившийся в общественном мнении западных стран статус Китая как «авторитарной» и «ревизионистской» державы есть не что иное, как следствие длительной идеологической гегемонии Запада и антикитайской пропаганды.

Результаты и выводы рассмотренных выше социологических исследований во многом предопределяются доминирующими тезисами и методиками западных аналитических институтов, которые увязывают экономическую модернизацию и прогресс преимущественно с распространением ценностей западной демократии и вестернизацией в целом, априори отводя странам Запада места лидеров, а Китаю и другим незападным державам — место «аутсайдеров», невзирая на достигнутые экономические успехи. Так, в 2023 г. Freedom House при расчете индекса свободы отнес Китай к «несвободным» странам (9 баллов из 100 возможных) [Freedom in the world...], что также очевидным образом коррелирует с нагнетанием международной напряженности вокруг страны. Еще более негативную оценку дал шведский Институт V-Dem (Институт разновидностей демократии), рассчитывающий индекс демократии на основании 500 показателей: в его рейтинге за 2023 г. Китаю отведено 172-е место из 179, что означает отнесение его к авторитарным государствам [Democracy report 2024].

Отсутствие «демократических ценностей» или их «недостаточное развитие» служит предлогом для вмешательства во внутренние дела, оправданием санкций и иных форм давления на Китай. Такие прецеденты в китайской истории имели место и наглядно свидетельствуют о стремлении США и их союзников заставить Китай и остальные страны глобального Юга придерживаться определяемых Западом «универсальных» принципов и ценностей, зачастую в ущерб национальным экономическим, политическим и культурным интересам и традициям стран мирового большинства.

Западные санкции как инструмент сдерживания Китая на мировых рынках и ответ Китая

В 1989 г. Китай впервые столкнулся с единодушием коллективного Запада в стремлении наказать Пекин за подавление антиправительственной демонстрации на площади Тяньаньмэнь. Перечень примененных США и их союзниками санкций в отношении КНР не отличался разнообразием. В основном санкционные меры касались замораживания политических контактов на высшем уровне, приостановки выдачи кредитов (как по ли-

нии национальных правительств, так и по линии международных организаций), ограничения программ культурного и научно-технического сотрудничества с Китаем. США ввели мораторий на поставку в КНР продукции военного назначения, запрет на закупку китайского военного снаряжения и боеприпасов, прекратили выдачу экспортных лицензий на поставку в Китай продукции двойного назначения. Наиболее чувствительной мерой противодействия Китаю стала «заморозка» переговоров о вступлении Китая в ВТО.

На этом фоне в среде правящей китайской элиты возникли споры о дальнейшем социально-экономическом курсе страны, но в итоге возобладало мнение о необходимости преодоления изоляционистских настроений и продолжения политики «реформ и открытости». Антикитайские санкции продержались недолго, поскольку США были заинтересованы в удержании Китая в орбите своего влияния и сохранении с ним партнерских отношений. Кроме того, санкционные ограничения практически не сказались на социально-экономическом развитии КНР.

Вместе с тем Китаю пришлось пойти на смягчение ряда внутренних реформ и стимулировать либерализацию внешней торговли и притока иностранного капитала. В частности, правительство страны пошло на снижение таможенных пошлин, допуск иностранного капитала в ранее закрытые для него отрасли, ослабление налоговой нагрузки для иностранных компаний и совместных предприятий. В этот же период началось создание анклавов льготного зарубежного инвестирования.

Одновременно эти санкции стали первым сигналом для Китая о необходимости диверсификации внешнеполитических приоритетов и внешнеэкономических связей, что подтолкнуло китайское правительство к активизации взаимодействия со странами-соседами по региону.

Последующие два десятилетия можно охарактеризовать как период относительной гармонии и затишья в отношениях между США и Китаем, не считая столкновения интересов двух держав в отдаленных от них регионах мира. В этот период китайская экономика росла и крепла, демонстрируя впечатляюще высокие темпы экономического роста, пока не столкнулась с кризисом 2008 г., который постепенно привел ее к состоянию «новой нормальности».

Очередной период обострений в отношениях между США и Китаем начался в 2014 г. после адресованных Пекину обвинений в военной поддержке Ирана. В период президентства Д. Трампа, последовала целая череда событий, которая ознаменовала фактически новую фазу санкционной войны США против Китая. Ее основной задачей, несмотря на декларируемые Белым домом «благие» цели, было технологическое сдерживание Китая и возвращение утраченных позиций США на мировом рынке микроэлектроники. Введенные двумя американскими президентами (Д. Трампом и Дж. Байденом) санкции выразились в запрете на доступ крупнейших китайских компаний к передовым технологиям, ограничениях на продажи Китаю сверхмощных чипов для вычислений, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), а также оборудования для их производства и не-

которых полупроводниковых технологий, запрете любым производителям (на основе принципа экстерриториальности) экспортировать чипы для ИИ-вычислений, если они произведены на американском оборудовании или с использованием американского ПО, а также на продажу Китаю оборудования для производства таких чипов и помощи Китаю в разработке полупроводниковых технологий. Одновременно Китай был объявлен валютным манипулятором, а в отношении ряда китайских граждан как физических лиц введены персональные санкции. Кроме того, Китай постоянно испытывает давление вторичных санкций вследствие тесного сотрудничества с Россией.

Фундаментальными причинами современного этапа антикитайской санкционной политики стали инициативы Си Цзиньпина, нацеленные на то, чтобы снова сделать Китай могучей державой, преодолев стереотипы и негативные итоги «века унижений». Особое место в этих процессах отводилось наиболее грандиозному проекту китайского лидера — «Пояс и путь», который в идеологическом плане призван расширить влияние Китая на другие развивающиеся страны. В частности, Си Цзиньпин подчеркивает необходимость «способствовать высококачественному развитию инициативы совместного строительства «Одного пояса и одного пути» [Си Цзиньпин. С. 31], предполагая, что выгоду от этого должны получить все участники.

Второй мощный инструмент воздействия на партнеров Китая — продвижение интернационализации юаня. Практическими шагами для реализации этой задачи стали договоренности о взаиморасчетах в юанях с целым рядом незападных стран, в числе которых Саудовская Аравия, Бразилия, Россия, страны АТР. Примечательно, что даже некоторые компании Западной Европы соглашались на оформление сделок в юанях. Более 90% торговых расчетов в торговле между РФ и КНР уже происходят в национальных валютах.

Безусловно, как угроза для США, а точнее для их мирового доминирования, выглядят притязания Китая на превращение в ведущую торговую и морскую державу, а также «создание могучей армии с китайской спецификой».

Автономность Китая в принятии целого ряда решений в экономической и политической сфере вкупе с рождением «китайского экономического чуда», результате чего в политэкономическом дискурсе появился новый концепт «Пекинский консенсус» как альтернатива «Вашингтонскому консенсусу», создали прецедент, когда Китай оказался в авангарде движения по претворению в жизнь «концепции глобального управления, основанной на принципах совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования, ...подлинного мультилатерализма» [Си Цзиньпин. С. 62]. Китай однозначно выступил против блоковой системы и модели односторонних санкций. Это вызвало обеспокоенность США, чьей задачей было сохранить Китай в орбите американо-японской модели глобализации, ограничивая рост китайского экономического и технологического влияния.

Китайская реакция на действия США была крайне осмотрительной и продуманной. Привыкшие к долгосрочному планированию, власти КНР разработали соответ-

ствующую законодательную базу по противодействию зарубежным санкциям: закон «О противодействии иностранным санкциям» (2021 г.), закон «О международных отношениях» (2023 г.) и др. Нащупав слабые места в американской экономике, руководство Китая определилось с «тремя козырями», которые оно может использовать в случае обострения ситуации: запрет на экспорт в США редкоземельных металлов; отказ от покупки долга США; отказ в доступе американских компаний на китайский рынок [Nephew. P. 7]. Результатом применения этих «козырей» стала потеря американским производителем чипов Micron Technology возможности работать в Китае, введение ограничений (с 1 августа 2023 г.) на экспорт ряда металлов, имеющих решающее значение для полупроводниковой, телекоммуникационной и электронной промышленности, введение экспортного контроля (с 1 августа 2023 г.) на вывоз таких редких металлов, как галлий и германий, а также химических соединений, введение санкций против компаний Raytheon и Lockheed Martin, продажа американских казначейских облигаций, жесткое принуждение иностранного бизнеса работать по китайским законам.

Таким образом, Пекин выстраивает линию защиты от иностранного вмешательства, упреждая удары противостоящей стороны, но не тратя силы и средства на открытое противоборство с США. Китай усиливает свои конкурентные преимущества за счет союзников и одновременно продвигает собственные интересы далеко за пределы страны, создавая очаги присутствия на всех континентах. Давление, которое оказывают США и некоторые из их союзников на Китай, вряд ли ослабнет в ближайшее время, поскольку приоритеты Китая очевидны, а его запросы на реальную независимость и изменение мирового порядка задают новые векторы развития мировой экономики, где исключено влияние одной страны.

Заключение

Китай в отношениях с Западом, несомненно, помнит уроки прошлого. Те беды, которые настигли в XIX в. некогда процветающую азиатскую державу, а также их многолетние последствия, китайские лидеры не могут забыть до сих пор, а потому для них является делом чести отстаивать национальные интересы своей страны на мировой арене и делать Китай «могучим» вопреки давлению даже самых амбициозных и могущественных держав.

Очевидно, что Китаю, с его специфическими культурой и менталитетом, и одновременно мощным демографическим потенциалом, очень сложно сломать нарративы о «желтой угрозе», опровергнуть устоявшееся мнение о неизбежной экспансии и захвате чужих территорий, тем более что эти моменты с присущим представителям англосаксонского мира постоянством раздуваются в западных СМИ. Свидетельство тому — сложившаяся ситуация вокруг Тайваня.

Вместе с тем и сторонники, и противники Китая в одинаковой степени осознают неизбежность развития с ним внешнеэкономических связей (что иллюстрируется в том числе стремлением европейских лидеров встретиться с Си Цзиньпином), его незаме-

нимость в глобальных цепочках стоимости и поставок. Все это заставляет страны Запада более сдержанно реагировать на растущую мощь Китая. Сам же Китай, умело используя инструменты «мягкой силы» и разного рода миротворческие инициативы, пытается уйти от негативных сценариев во взаимоотношениях с Западом и сохранить достигнутые результаты во благо развития китайского государства и общества.

Литература

- Гаджиев К.С.* Об идее «желтой опасности» и американской версии синофобии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. Вып. 8(65). С. 2096–2109.
- Ифу Л.* Демистификация китайской экономики. М. 2017.
- Меттан Г.* Запад-Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. 2016.
- Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М. 2012.
- Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М. 2020.
- Си Цзиньпин.* Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. — URL: ciruso.ru/wp-content/uploads/2022/11/.pdf (дата обращения: 13.05.2024).
- Чжан Л.* Китай. Полная история. М. 2022.
- Democracy report 2024. Democracy Winning and Losing at the Ballot. V-Dem Institute. March 2024. — URL: v-dem.net/documents/43/v-dem_dr2024_lowres.pdf (date of access: 13.05.2024).
- Freedom in the World 2024. China // Freedom House. — URL: freedomhouse.org/country/china/freedom-world/2024 (date of access: 13.05.2024).
- National Security Strategy of the United States of America. The White House, Wash. December, 2017. — URL: nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf (date of access: 13.05.2024).
- National Security Strategy. The White House. Wash. February, 2015. — URL: obamawhitehouse.archives.gov/ (date of access: 13.05.2024).
- National Security Strategy. The White House. Wash. October 12, 2022. — URL: whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (date of access: 13.05.2024).
- Nephew R.* China and Economic Sanctions: Where Does Washington Have Leverage? // Brookings. September, 2019. — URL: brookings.edu/articles/china-and-economic-sanctions-where-does-washington-have-leverage/ (date of access: 13.05.2024).
- Silver L., Huang Ch., Clancy L.* China's Approach to Foreign Policy Gets Largely Negative Reviews in 24-Country Survey // Pew Research Center. 27.07.2023. — URL: pewresearch.org/global/2023/07/27/chinas-approach-to-foreign-policy-gets-largely-negative-reviews-in-24-country-survey/ (date of access: 13.05.2024).
- Silver L., Huang Ch., Clancy L. et al.* Comparing Views of the U.S. and China in 24 countries (by Laura Silver, Christine Huang and etc.) // Pew Research Center. 06.11.2023. — URL: pewresearch.org/global/2023/11/06/comparing-views-of-the-us-and-china-in-24-countries/ (date of access: 13.05.2024).